

ГЛАВА I. Понятие техники тела

Я говорю именно о техниках тела, потому что теорию техники можно создать, опираясь на исследование, изложение фактов, простое и ясное описание техник тела. Под последними я понимаю традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом. Во всяком случае, надо идти от конкретного к абстрактному, а не наоборот.

Я хочу познакомить вас с частью предмета, который не преподают в других местах и который я регулярно читаю в курсе «Дескриптивной этнологии» (книги, содержащие «Краткие инструкции» и «Инструкции для этнографов», должны быть опубликованы)[1071]. Этот курс я много раз читал в Институте этнологии Парижского университета.

Когда естественная наука прогрессирует, то прогресс этот всегда осуществляется только на пути к конкретному и неизведанному[1072]. Но неизведанное находится на границах наук, там, где, как сказал Гёте, профессора «поедают друг друга» (я говорю «поедают», но Гёте не столь вежлив). Как правило, именно в этих слабо отграниченных друг от друга областях коренятся животрепещущие проблемы. Эти целинные земли, впрочем, имеют отличительный знак. В естественных науках, в том виде, в каком они сегодня существуют, мы всегда находим один скверный раздел. Обычно существует такая область, где наука о неких фактах еще не сведена в понятия, когда факты эти даже не сгруппированы органичным образом. В подобных случаях перед этим множеством фактов мы прибавляем табличку неведения, обозначая их как «разное». Туда-то и необходимо проникнуть. Можно с уверенностью сказать, что именно там содержатся истины, которые необходимо обнаружить, прежде всего потому, что мы знаем о своем незнании, а также потому, что мы ясно ощущаем наличие множества фактов. Читая в течение многих лет свой курс «Дескриптивной этнологии», я вынужден был на себе испытать проклятие и позор рубрики «разное» в одном вопросе, где эта рубрика в этнографии выглядела действительно странной. Мне было хорошо известно, что, например, походка, стиль плавания, другие явления подобного рода носят специфический характер в определенных обществах, что полинезийцы плавают не так, как мы, а мое поколение плавало не так, как нынешнее. Но что это были за социальные явления? Они относились к «разному», а поскольку данная рубрика для меня ненавистна, я часто думал об этом «разном», по крайней мере, каждый раз, когда должен был говорить о ней, а нередко и просто так.

Прошу извинить меня за то, что, описывая понятие техник тела, я расскажу вам о том, в связи с какими конкретными обстоятельствами я стремился и как смог четко поставить общую проблему. Это был ряд осознанных и неосознанных попыток.

Сначала, в 1889 г., я познакомился с одним человеком, инициалы которого я помню, но фамилию забыл, поленился ее поискать. Он написал блестящую статью «Плавание» для готовившегося тогда издания «Британской энциклопедии» 1902 г. (статьи «Плавание» в двух последующих изданиях хуже). Он показал мне, что этот вопрос интересен с исторической и этнографической точек зрения. Это был отправной пункт, толчок к последующим наблюдениям. Впоследствии я наблюдал изменения в техниках плавания у моего поколения (я замечал это и за самим собой). Нам, психологам, так же как и биологам и социологам, один пример сразу прояснит, о чем идет речь. Когда-то нас учили нырять после плавания. При этом нас учили закрывать глаза, потом открывать их в воде. Сегодня техника противоположная: начинают с того, что приучают ребенка находиться в воде с открытыми глазами. Таким образом, еще до того, как дети начинают плавать, их приучают прежде всего обуздывать опасные, но инстинктивные рефлексy глаз, их приучают к воде, подавляют страхи, создают некоторую уверенность, регулируют остановки и движение. Стало быть, существуют техника ныряния и техника обучения нырянию, найденные в мое время. И вы видите, что речь идет именно о техническом предмете и что, как и во всякой технике, происходит обучение плаванию. В то же время наше нынешнее поколение стало свидетелем полной смены техники: мы увидели, что плавание брассом, при котором голова находилась над водой, сменилось различными видами кроля. Кроме того, отказались от привычки глотать и выплевывать воду, тогда как во времена моего детства пловцы считали себя чем-то вроде пароходов. Это было глупо, но я так делаю до сих пор: не могу избавиться от своей техники. Вот какова одна специфическая техника тела, одно из усовершенствованных телесных искусств нашего времени.

Но такая же особенность присуща всем техникам. Во время войны у меня была возможность часто наблюдать эту особенность техник. Так было, например, с техникой копания. Английские войска, в которых я находился, не могли пользоваться французскими лопатами, что вынуждало менять по 8000 лопат на дивизию, когда мы сменяли французскую дивизию, и наоборот. Очевидно, что даже простой поворот руки усваивается медленно. Всякая техника в собственном смысле облекается в свою особую форму.

Но так же обстоит дело с любым способом действия тела. Каждое общество обладает своими, присущими только ему привычками. В то же военное время у меня было много возможностей замечать отличия одной армии от другой. Приведу одну забавную историю, связанную с ходьбой. Все вы знаете, что британская пехота марширует шагом, отличным от нашего: другая частота, другая длина шага (я даже не говорю сейчас об английском раскачивании, о движениях колен и т. д.). И вот Вустерский полк, проявивший большую храбрость в битве на Эне вместе с французской пехотой, испросил королевское разрешение, чтобы им играли на трубах и били в барабаны на французский манер французские трубачи и барабанщики. Результат был обескураживающим. В течение почти полугода, когда после Энской битвы прошло уже значительное время, на улицах Байеля я часто видел следующую картину: полк по-прежнему маршировал на английский манер, а ритм был французский. Во главе полковой музыкальной команды шел даже маленький адъютант французских пеших егерей, умевший играть на трубе и исполнявший марши лучше, чем его люди. Целый полк бедных рослых англичан не мог маршировать. Все было нескладно и неладно. Они пытались шагать в ногу, но музыка не совпадала с шагом. В конце концов Вустерский полк был вынужден отменить свои французские сигналы. Фактически когда-то, во времена Крымской

войны, в различных армиях были приняты сигналы «на отдых», «отступление» и т. д. Такие же различия между англичанами и французами я часто наблюдал не только в ходьбе, но и в беге, т. е. не только в бытовых, но и в спортивных техниках. Профессор Курт Закс, живущий сейчас в нашей стране, наблюдал то же самое и говорил об этом во многих лекциях. Он на большом расстоянии различает походку англичанина и француза.

Но это были лишь подступы к предмету.

Нечто вроде озарения пришло ко мне однажды, когда, находясь в Нью-Йорке, я заболел и оказался в тамошней больнице. Я спрашивал себя, где я уже видел девушек с такой походкой, как у моих медицинских сестер. У меня было время подумать над этим, и я наконец вспомнил, что это было в кино. Вернувшись во Францию, я стал замечать, особенно в Париже, распространенность этой походки. Девушки были француженками, а ходили таким же манером. Фактически американские способы ходьбы благодаря кино стали проникать к нам. Этой мысли я придавал затем более широкое значение. Положение рук, кистей во время ходьбы образуют своего рода социальную идиосинкразию, а не просто продукт сугубо индивидуальных, психических устройств и механизмов. Например, я уверен, что смогу опознать по походке девушку, воспитывавшуюся в монастыре. Как правило, она ходит со сжатыми кулаками. И я до сих пор помню окрик моего учителя в третьем классе: «Скотина, ты все время ходишь с растопыренными ручищами!» Стало быть, существует также и воспитание походки.

Другой пример: различают приличные или неприличные положения рук во время отдыха. Так, вы можете с уверенностью сказать, что если ребенок сидит за столом с прижатыми к туловищу локтями, а когда не ест, держит руки на коленях, то это англичанин. Юный француз не умеет оставаться в определенном положении: локти у него веером, он наваливается ими на стол, и так все время.

Наконец, я видел также, да и вы все видели, изменение в технике бега. Представьте себе, что мой преподаватель гимнастики, одним из лучших окончивший Жуанвиль в конце 1850-х гг.[1073], учил меня бегать с прижатыми к туловищу кулаками, что полностью препятствовало всем беговым движениям. Мне потребовалось увидеть профессиональных бегунов в 1890 г., чтобы понять, что надо бегать иначе.

Таким образом, в течение многих лет у меня было такое представление о социальной природе *habitus*'а. Обращаю ваше внимание на то, что я говорю *habitus* на настоящей латыни, понятной во Франции. Слово это передает суть дела несравненно лучше, чем «привычка» (*habitude*), «предрасположение» (греч. *exis*), «навык» (*acquis*) и «способность» (*faculté*) в истолковании Аристотеля (который был психологом). Оно обозначает не те метафизические привычки и таинственную «память», о которых говорится в солидных томах или в небольших и знаменитых диссертациях. Эти «привычки» варьируются не просто в зависимости от индивидов и их раздражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах. Необходимо видеть техники и деятельность коллективного практического разума там, где обычно видят лишь душу и ее способности к повторению.

Таким образом, все понемногу приводило меня к точке зрения, разделяемой некоторыми членами нашего Общества по примеру Конта, к точке зрения Дюма, например, который в устойчивых связях между биологическим и социологическим оставляет не очень большое место психологическому посредничеству. И я пришел к выводу, что невозможно иметь ясное представление обо всех этих фактах: беге, плавании и т. д., если не базироваться на тройственном подходе вместо одностороннего, будь он механико-физическим, вроде анатомио-физиологической теории ходьбы, или же, напротив, психологическим или социологическим. Необходима тройственная точка зрения, точка зрения «тотального человека».

Наконец, привлекала внимание еще одна группа фактов. Во всех этих элементах искусства использования человеческого тела доминировали факты воспитания. Понятие воспитания могло быть добавлено к понятию подражания. Ибо у одних детей хорошие способности к подражанию, у других — слабые, но если все воспитываются одинаково, то мы можем понять взаимосвязь между фактами. Происходит престижное подражание. Ребенок, взрослый подражают актам, которые оказались успешными и которые они видели удавшимися у людей, внушающих им доверие и обладающих авторитетом в их глазах. Акт принимается извне, сверху, даже если это акт исключительно биологический, относящийся к телу. Индивид заимствует ряд движений из акта, совершаемого перед ним или вместе с ним другими.

Именно в этом понятии престижа личности, совершающей акт упорядоченный, дозволенный, одобренный, престижа по отношению к индивиду подражающему, содержится весь социальный элемент. В последующем подражательном акте содержатся весь психологический и биологический элементы.

Но целое, ансамбль, обусловлены всеми тремя элементами, неразрывно между собой связанными.

Все это легко согласуется с некоторыми другими элементами. В книге Элсдона Беста, дошедшей до нас в 1925 г., имеется примечательное свидетельство относительно способа ходьбы у женщин маори (Новая Зеландия). (Не надо называть их примитивами, я считаю, что в некоторых отношениях они выше кельтов и германцев.) «Туземные женщины усваивают определенную *gait* [«поступь»] (английское слово превосходно): четкое и одновременно соразмерное покачивание бедрами, которое нам кажется некрасивым, но вызывает необычайное восхищение у маори. Матери натаскивали (автор пишет *drill*) своих дочерей этому способу, который называется «ониои». Я слышал, как матери говорят дочерям (я перевожу): «Ты не делаешь ониои», когда девочка не производила этого покачивания» (*The Maori*, 1, p. 408-409; ср. p. 135). Это был приобретенный, а не естественный способ ходьбы. Вообще у взрослого, вероятно, не существует «естественного способа» ходьбы. Тем более это касается тех ситуаций, когда вторгаются другие технические факты: то, что мы носим туфли, изменяет положение наших ног, и когда мы ходим без обуви, мы хорошо это ощущаем.

С другой стороны, тот же фундаментальный вопрос вставал передо мной в связи с разнообразными представлениями о магической силе, о вере не только в физическую, но и в

словесную, магическую, ритуальную действенность определенных актов. Здесь я, возможно, в большей мере нахожусь на своей почве, чем на авантюрной почве психофизиологии способов ходьбы, на которую я только что рискнул ступить.

Приведу факт более «примитивный», на сей раз австралийский: формула охотничьего и вместе с тем бегового обряда. Известно, что австралийцу удается затравливать на бегу кенгуру, эму, диких собак. Он может схватить опоссума на верхушке дерева, несмотря на сильное сопротивление животного. Один из этих беговых обрядов, наблюдавшийся еще 100 лет назад, — обряд бега за дикой собакой динго у племен, живущих в окрестностях Аделаиды. Охотник непрерывно напевает следующую формулу:

“ порази ее пучком орлиных перьев (от инициации и т. д.);
порази ее поясом,
порази ее головной повязкой,
порази ее кровью от обрезаний,
порази ее кровью из руки,
порази ее менструальной кровью женщины,
усыпи ее; и т. д.[1074]

В другой церемонии, церемонии охоты на опоссума, индивид держит во рту кусочек горного хрусталя (кавемукка), одного из магических камней, и напевает подобную формулу; именно с такой поддержкой он может выгнать опоссума из его жилища, вскарабкаться на дерево, повиснуть на поясе, схватить и убить этого трудноуловимого зверя.

Связь между магическими действиями и техниками охоты слишком очевидна и распространена, чтобы надо было специально доказывать ее существование.

Психологическое явление, которое мы констатируем в данный момент с обычной социологической точки зрения, очевидно, весьма легко узнать и понять. Но мы хотим уловить сейчас именно эту веру, психологический momentum, приписываемый акту, который является прежде всего фактом биологической выносливости, достигаемой благодаря словам и магическому объекту.

Технический, физический, религиозно-магический акты для агента слиты воедино. Таковы элементы, которыми я располагал.

***

Все это меня не удовлетворяло. Я видел, как можно все описать, но не видел, как это организовать; я не знал, какое название, заглавие дать всему этому.

Все было очень просто, мне надо было лишь опереться на деление традиционных актов на техники и обряды, которое я считаю вполне обоснованным. Все эти способы действия были техниками, а именно техниками тела.

Мы, и я в том числе, заблуждались многие годы, думая, что техника существует только тогда, когда есть инструмент. Надо было вернуться к понятиям древних, к платоновским мыслям о технике, где Платон говорил о технике музыки и особенно танца; надо было расширить это понятие.

Я называю техникой традиционный действенный акт (и вы видите, что в этом отношении он не отличается от акта магического, религиозного, символического). Необходимо, чтобы он был традиционным и действенным. Не существует ни техники, ни ее передачи, если нет традиции. Вот чем человек прежде всего отличается от животного: передачей своих техник и особенно — их передачей посредством слов.

Итак, позвольте мне считать, что вы принимаете мои определения. Но какова разница между традиционным действенным религиозным, символическим, юридическим, коллективным, моральным актом, с одной стороны, и традиционным техническим актом — с другой стороны? Дело в том, что последний воспринимается автором как акт механического, физического или физико-химического порядка и осуществляется с той же целью.

В таких обстоятельствах можно просто утверждать: мы имеем дело с техниками тела. Тело есть первый и наиболее естественный инструмент человека. Или, если выразиться более точно и не говорить об инструменте, можно сказать, что первый и наиболее естественный технический объект и в то же время техническое средство человека — это его тело. И сразу же вся эта большая категория, которую в дескриптивной социологии я классифицировал как «разное», выпадает из этой рубрики и приобретает плоть и кровь: мы знаем, куда ее определить.

До инструментальных техник существует совокупность техник тела. Я не преувеличиваю значение данного рода работы — работы по психосоциологической таксономии. Но это уже нечто: порядок, внесенный в идеи, туда, где не было никакого порядка. Даже внутри этой группировки фактов найденный принцип обеспечивал возможность точной классификации. Это постоянная адаптация к некоторой физической, механической, химической цели (например, когда мы пьем) разворачивается в ряде смонтированных между собой актов, причем смонтированных у индивида не просто им самим, а всем его воспитанием, всем обществом, часть которого он составляет, в месте, которое он занимает.

Более того, все эти техники очень легко расположились в систему, которая для нас является общей и охватывается фундаментальным понятием психологов, особенно Риверса и Хеда: понятием символической жизни духа, представлением о деятельности сознания как системы символических конструкций прежде всего.

Если бы я взялся перечислять вам все возможные факты, демонстрирующие совместное действие тела и моральных или интеллектуальных символов, им бы не было конца. Бросим сейчас взгляд на самих себя: все в нас управляется извне. Я сижу перед вами в качестве докладчика; вы понимаете это по моей позе и по голосу, а вы слушаете меня, сидя молча. У нас есть положения дозволенные или недозволенные, естественные или неестественные. Так мы приписываем различную ценность пристальному взгляду: это символ вежливости в армии и невежливости в гражданской жизни.

Версия #1

Зверобой создал 26 апреля 2026 02:46:55

Зверобой обновил 26 апреля 2026 02:48:10